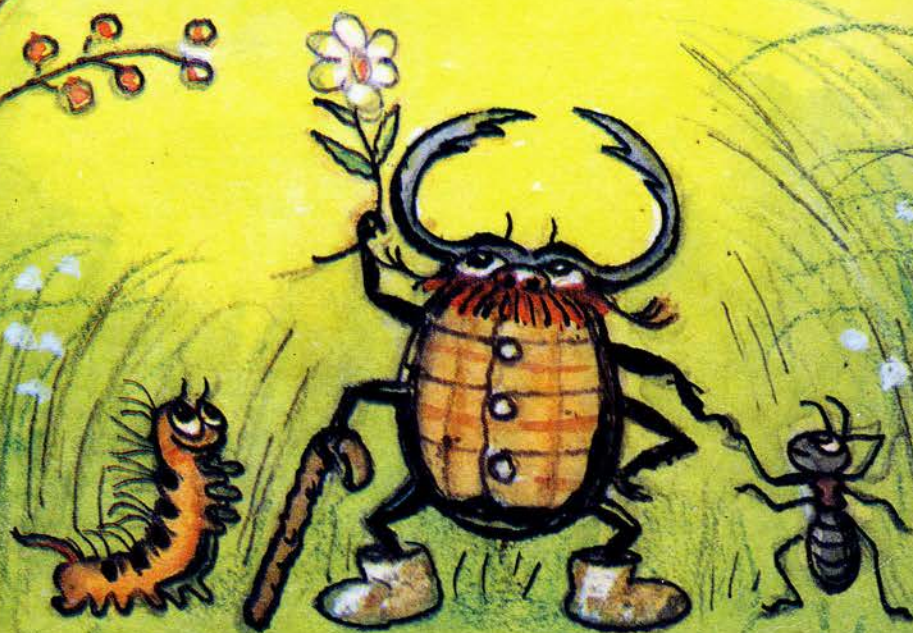

М И Х А И Л   П Л Я Ц К О В С К И Й

ДНЕВНИК КУЗНЕЧИКА КУЗИ

Рисунки
В. Сутеева

МИХАИЛ ПЛЯЦКОВСКИЙ

ДНЕВНИК КУЗНЕЧИКА КУЗИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1979

Предисловие к дневнику кузнечика Кузи

Недавно я прогуливался по широкому разноцветному лугу возле станции Одуванчики — и вдруг заметил в траве какой-то неизвестный предмет. Я наклонился и поднял его. Это оказался дневник кузнечика Кузи.

Кузю я лично не знаю. Но его записки мне понравились. И я решил опубликовать их без разрешения автора, адрес которого пока не установлен.

Думаю, что кузнечик Кузя на меня не очень обидится, а читатели смогут узнать о его необычайных, я бы даже сказал, удивительных приключениях.

Для того чтобы прочесть все страницы, мне пришлось как следует потрудиться, потому что почерк у кузнечика на редкость неразборчивый. Предлагая читателям этот дневник, я не вычеркнул ни одного Кузиного слова и лишь значительно увеличил между словами количество знаков препинания (точек, запятых и тире!), которых в дневнике почему-то было невероятно мало.

*Жук Харитон,
редактор газеты «Луговые новости»*

ВТОРНИК 10 кап-капреля

У меня — крупная неприятность. Получил двойку по чистописанию. И это — перед самыми летними каникулами!

Подумать только: завтра утром не надо идти в школу. И так — целых три месяца!

Но как сказать папе про двойку? По дороге из школы домой я думал, думал и придумал: скажу ему эти неприятные слова шиворот-навыворот, а он и не поймет ничего. Прихожу домой, говорю:

— Урап личулоп я!

Что означало: «Я получил пару!»

И вдруг он мне на том же самом перевернутом языке отвечает:

— Розоп и дытс!

Что означало: «Стыд и позор!»

Досталось мне, конечно. По первое число. Точнее — по десятое...

СУББОТА **16** травуста

Сегодня совершил три благородных поступка.

Поступок первый.

Уступил место в траволейбусе одной пожилой мухе.
Я теперь даже бабочкам и стрекозам место уступаю.
Каждый кузнечик должен быть вежливым. Это я знаю.

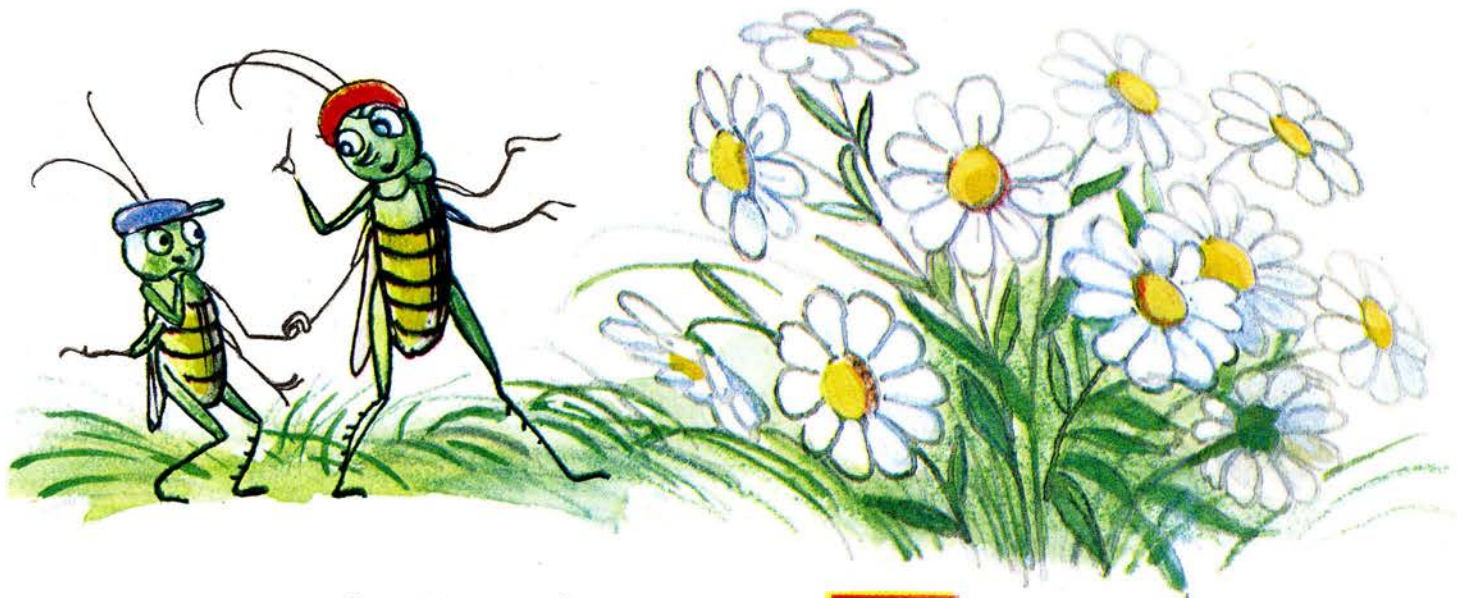
Поступок второй.

Прогнал двух комаров, которые к незнакомой букашке приста-
ли и дергали ее за крылышки.

Поступок третий.

Научил своего маленького братца считать до десяти. Он сразу хныкать перестал — и знай себе ромашки считает. А мама не поймет, в чем дело, удивляется.

ВОСКРЕСЕНЬЕ **13** сентября

Это воскресенье я запомню на всю жизнь. Ведь с него-то и начались все мои необычайные приключения.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 1

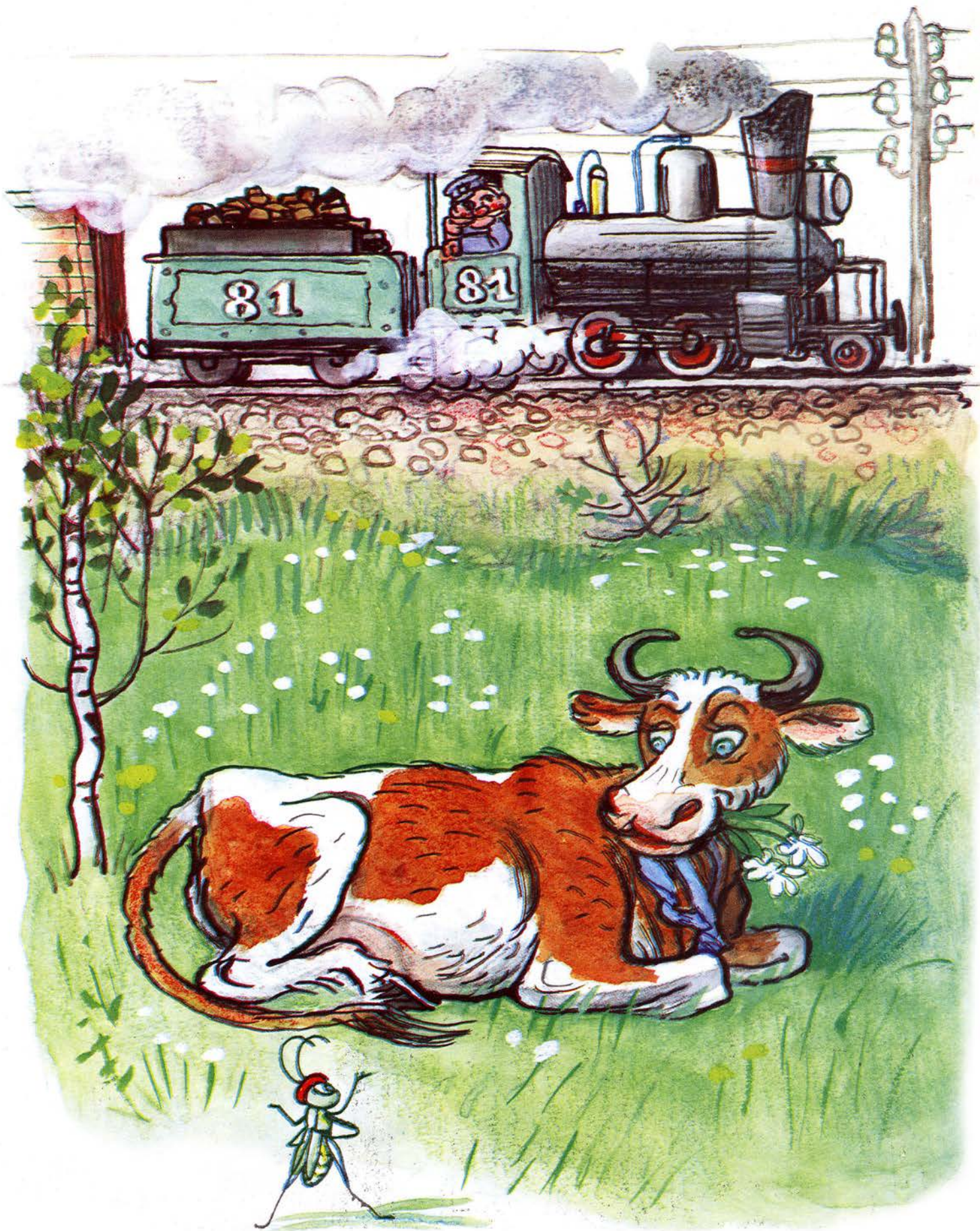
Рядом с нашим лугом железная дорога проходит. Железная дорога — это рельсы такие длинные-предлинные. И неизвестно, где они начинаются и где — кончаются. А по железным рельсам железные поезда на железных колесах в разные города и страны катятся друг за дружкой. Катятся и поют: «Тук-тук-перестук!»

Возле железной дороги всегда пасется корова по имени Муренка. Огро-о-мная такая. Это, конечно, на мой взгляд.

Мы, честно говоря, с нею мало знакомы. Встретимся — поздороваемся. Вот и все. А сегодня я почему-то не только поздоровался с нею, но решил проявить вежливость до предела — и крикнул:

— Уважаемая Муренка! К вашей левой передней ноге репей прицепился!

— Почему-му-у? — спрашивает корова.

— Откуда мне знать? — отвечаю. — Прицепился. Может, ему покататься на вашей ноге захотелось?

— Почем-м-му-му-му? — снова протяжно так и задумчиво интересуется Муренка.

«Не слышит, бедняга», — думаю. Прыгнул я к Муренке на макушку, чтобы в самое ухо крикнуть свое мнение. А она испугалась — и хвостом меня хватать! Ну, вот... Про железную дорогу я вначале не зря упоминал...

В это время, как назло, поезд мимо мчался. И меня за мою же любезность неуклюжая Муренка прямо на ступеньку вагона смахнула. Я даже пискнуть не успел. А спрыгнуть — побоялся. Так на ступеньке и прикатил безбилетным пассажиром на конечную остановку — в большой-пребольшой Город, в котором никто меня вовсе не ждал...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 2

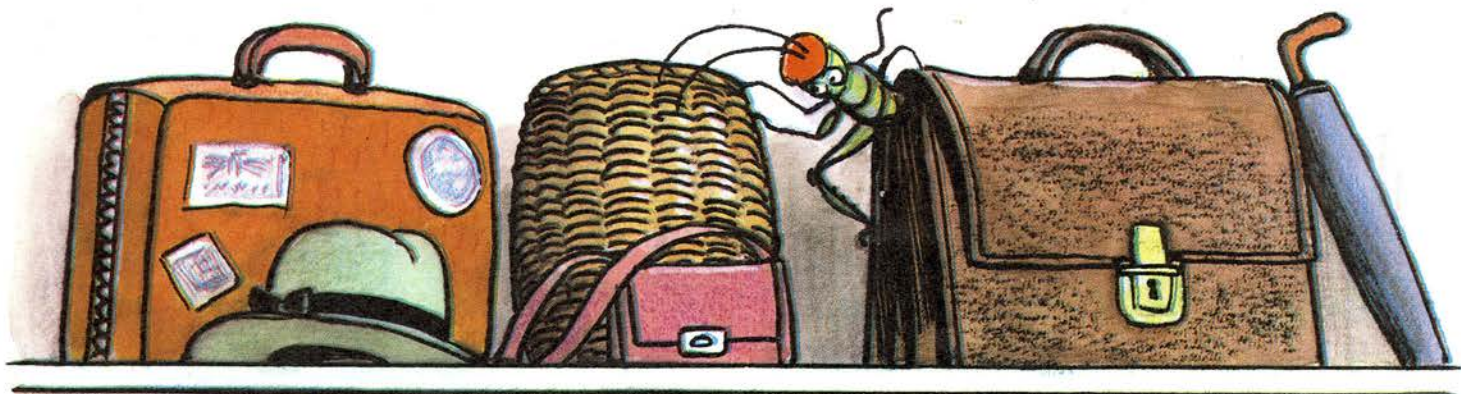
Город — это не Васильковский луг, где мне каждая ромашка знакома. В городе заблудиться — ничего не стоит. Там одних улиц сколько! Не говоря уже о переулках. А дома такие высокие, что прямо шея устает: голову-то все время задирать приходится. Устал я скакать по городу и присел на какую-то цветочную клумбу отдохнуть. Вдруг один шустрый такой, в штанишках выше колен, подбегает ко мне и кричит:

— Сейчас я его поймаю!

Я не стал ждать, пока он меня поймает. Прыгнул в сторону — и прямо в чей-то портфель угодил.

Портфель туда-сюда, туда-сюда, как будто на качелях качаюсь. А в портфеле — темнотища, ничего не видно. Не заметил, как заснул.

Проснулся и слышу: что-то гудит. Высунул голову из портфеля, вижу: подо мной — кресла в несколько рядов, а в креслах кто спит, кто жует, кто газетой шелестит. И все почему-то ремнями привязаны.

Тут по радио чей-то приятный голос объявляет:

— Граждане пассажиры! Наш самолет находится на высоте восемь тысяч метров!

Мне сразу страшно стало, потому что я прежде на самолетах никогда не летал. Только в книжках читал про них. И еще мне потому очень страшно стало, что я не знал даже, в какую сторону этот самолет направляется. И еще мне потому совсем-пресовсем страшно стало, что папа и мама уже, наверное, весь наш Васильковский луг на лапки подняли в поисках своего пропавшего сыночка Кузи. Меня, то-есть.

Они ищут, а я в самолете лечу.

И куда лечу? Неизвестно!

Эх, Муренка-шустренка! Что ж ты наделала своим некультурным хвостом!

Я чуть было не заплакал, словно самая обыкновенная бабочка из нашего класса, как вдруг тот же знакомый голосок прощебетал:

— Граждане пассажиры! Идем на посадку. Под крылом самолета — Жарафрика.

Ой, мамочка! Жарафрика! Может, мне показалось? Нет, я хорошо расслышал: Жа-раф-ри-ка. Мы ее в школе по арифметике проходили. Или — по чистописанию. А может, даже по географии. Забыл, в общем, со страху. Помню только, что в этой Жарафрике, кроме жары, еще полным-полно всяких тигров, слонов и этих... рогоносов. Нет, кажется, носорогов. А больше ничего не помню.

Пассажиры стали к посадке готовиться. А я снова в портфель юркнул.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 3

— Здравствуй, Жарафрика! — крикнул я, выпрыгнув из черного кожаного портфеля на мягкую зеленую травку. Осмотрелся по сторонам — всюду самолеты. Много самолетов. Точно таких, как тот, на котором я прилетел.

Вдруг у одного из них винты как завертятся, как затарахтят, как затрещат! И такой от этих винтов ветер поднялся — ого! Подхватила меня струя ветра, как будто пушинку, и понесла куда-то. Закрыл я глаза — и лечу. А когда меня обо что-то стукнуло, я понял, что — живой. Только вот лапки подогнулись и запутались. Насилу их распутал.

Открыл глаза: вокруг какие-то неизвестные, невиданные деревья. Смешные какие-то. Представьте: ствол высоченный, мохнатый, а на

самой макушке длиннющие листья, как веер, свисают. Потом я узнал, что эти деревья пальмами называются.

И тут я вижу: мимо меня незнакомая бабочка летит. Яркая. Разноцветная. Я таких бабочек красивых никогда и не видывал. По крайней мере, в нашей школе!

— Привет, бабочка! — кричу.

— Здравствуйте. Но я не бабочка. Я — птичка Колибри... — вежливо отвечает незнакомка.

— А я — кузнечик Кузя! Про меня даже в одной песенке поется: «И кузнечик запиликает на скрипке!» Не слышали?

— Нельзя ли петть потише, Кузя? — шепотом спрашивает эта самая Колибри.

— А что, у вас в лесу тихий час? — интересуюсь.

— Хуже. И потом — не в лесу, а в джунглях.

— В джунглях так в джунглях. Но, может, вы все-таки объясните, что здесь происходит?

— Объясню. Только сначала скажите, что вы умеете делать?

— Кузнечики все могут. Я бы вам даже на скрипке сыграл, но она у меня дома осталась.

— Выходит, вы — скрипач?

— Что-то в этом роде.

— А смогли бы вы, Кузя, совершить героический поступок?

— Еще бы! — говорю. — Благородные поступки я много раз совершал. Можно и героический совершить.

— Прекрасно! — обрадовалась Колибри. — Тогда пойдете!

— Куда? — спрашиваю на всякий случай.

— Я вам покажу, где живет знаменитая очковая змея Окулярия.

— А для чего мне знать, где живет эта... Окулярия?

— Для того, чтобы вы ее смогли прогнать из джунглей.

— Прогнать? Зачем?

— От нее никому житья нет. Она очень вредная. Все звери и птицы боятся ее — и спрятались, кто куда.

— А при чем тут я?

— Неужели вы не хотите помочь нам? Или, может, вы боитесь очковых змей?

— Ни капли не боюсь. Я их даже никогда не видел.

— Вот и прекрасно! Сейчас увидите!..

Так я попал еще в одну историю — и мы отправились на поиски вредной Окулярии. По дороге нам никто, совершенно никто не встре-

тился. Было тихо. Казалось, что эти... как их... джунгли опустели.

Вдруг Колибри приложила лапку к своему клюву и произнесла:

— Тс-с-с-с...

А это на всех языках мира означает: «Тише-е-е-е...»

Потом Колибри показала разноцветным крылышком на высокое корявое дерево и шепнула:

— Видите дупло?

— Ну, вижу, — отвечаю. — Из него еще чей-то хвостик торчит.

— Это и есть Окулярия. Я сейчас спрячусь, а вы гоните ее оттуда!

«Хорошенькое дело — гоните! А как? Нужно сначала на разведку сходить», — решил я и стал подкрадываться к дуплу. Заглянул осторожно: ничего не видно. Только очки блестят в темноте.

Что же делать? Как прогнать эту вредину и самому невредимым остаться?

Думал я, думал — и придумал.

Отыскал неподалеку обыкновенную лужу, обмакнул в нее пучок травинок — вместо кисточки — и принялся за работу.

Мне повезло. Окулярия крепко спала и ничегошеньки не слыхала. Теперь осталось подождать, пока грязь на очках засохнет.

Колибри спряталась среди густых веток: наблюдает за мной, а понять мою затею никак не может.

Вдруг большое корявое дерево затряслось, закачалось — из дупла показалась змеиная голова, похожая на букву «Ф».

— Ч-ч-что случччилось? — прошипела Окулярия. — Ничччего не вижу!

— Зато я тебя вижу! И никого обижать больше не позволю! — громко сказал я, набравшись храбрости.

— Знаешь ли ты, несчастный, что говоришь?

— Я тебя не боюсь. Убирайся отсюда!

— За такие слова ты поплатишшься жжжизззнью! Задущшу! Уничччтожжжу! — возмутилась Окулярия и стала сползать на землю. Тут я не на шутку испугался. Никогда бы не подумал, что она может оказаться такой длинной и страшной. Но делать было нечего — и я продолжал атаку.

Окулярия не видела меня и ползла на мой голос. А я уводил змею все дальше и дальше от ее логова, пока не заметил старый заброшенный колодец. Я заглянул внутрь: колодец был такой глубокий, что у меня закружилась голова. Это было то, что нужно.

— Эй, Окулярия! Ты слышишь? Сейчас я с тобой разделаюсь! — снова крикнул я.

Змея сжалась, как пружина, и со свистом бросилась в мою сторону. Этого-то мне и нужно было. Я, конечно, тут же отскочил от своей змееловки, а Окулярия со всего размаха плюхнулась вниз. Из колдца ей теперь ни за что не выбраться! Перехитрил я все-таки эту злюку!

Подлетела Колибри и чмокнула меня в темечко.

— Ура! Мы спасены! — запищала она. — Нет больше в джунглях этой ужасной Окулярии!

И все звери и птицы услышали тонкий голосок Колибри. Прибежали обезьяны и пантеры, притопали зебры и антилопы. И сразу стало в джунглях шумно и весело.

— Вот кто прогнал Окулярию! — прощепетала Колибри, указывая крылышком на меня. — Его зовут Кузя. Он — кузнечик.

— Тррребуй любую нагррраду! — рявкнул тигренок Полосатик.

— Хочу домой, — сказал я. — А больше мне ничего не надо.

— Может, ты с нами останешься? — спросила Колибри. — Разве у нас плохо?

— У вас хорошо. Даже замечательно. Но дома, на родине, всегда лучше!

— А где находится твой дом? — поинтересовался Полосатик.

— На Васильковом лугу, возле станции Одуванчики.

— У меня есть геогр-р-рафическая кар-р-рта! — неожиданно вспомнил попугай Эйты.

— Где же она? — раздался дружный хор голосов.

— Сейчас пр-р-ринесу!

Когда попугай Эйты принес в клюве карту, мы разложили ее на траве и стали все вместе искать станцию Одуванчики. На карте было столько разных названий, что просто глаза разбегались. Наконец, тигренок Полосатик торжественно объявил:

— Порррядок! Вот она, твоя станция...

И он показал лапой на крохотную точку, возле которой красовалось такое дорогое моему сердцу слово — Одуванчики.

— Погодите, погодите! — оживился молчавший до этой поры слоненок Лус. — В этом же направлении завтра отбывает мой двоюродный брат Бимба.

— На самолете? — спросил тигренок Полосатик.

— Что ты! В двери самолета он только голову просунуть может.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 4

Мы плыли по Слонтлантическому океану. За стеклами иллюминаторов (это окошки такие круглые!) плескались волны. Слон Бимба угощал меня печеньем и лимонадом и заводил на магнитофоне веселую песенку с такими словами:

От улыбки станет всем теплей —
И слону и даже маленькой улитке.
Так пускай повсюду на земле,
Будто лампочки, включаются улыбки!

Нам обоим эта песенка нравилась, потому что в ней и про слона, и про кузнечика сказано.

После завтрака мы с Бимбой обычно играли в «крестики-нолики», а перед ужином — в шашки.

Все шло хорошо. Но однажды... Даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня дрожат коленки при одном воспоминании о том, что случилось тогда.

Я вышел на верхнюю палубу подышать свежим морским воздухом. Потом долго искал свою каюту. Вернее, нашу со слонем Бимбой каюту. И почему-то попал на камбуз.

Камбузом на пароходе кухня называется. И повар на камбузе не повар, а кок. На нашем камбузе коком был шимпанзе Замри. Его так назвали потому, что он обожал с детства игру «замри-отомри».

Так вот. Зашел я на камбуз. И хотел прыгнуть на стул. Но не рассчитал немного и попал прямо в торт, который на столе стоял. Но это бы еще полбеды. Хуже было то, что я сделанную из крема розу сломал. Красивую такую красную розу. Над нею кок Замри, наверно, полдня колдовал, не меньше. Что тут началось!

— Это ты мой торт испортил? — возмутился шимпанзе Замри. И давай за мной гоняться. Бежит и кричит на всю палубу: — Я старался, старался, а ты вон как! Мокрого места от тебя не оставлю!

Он за мной, я — от него.

Я от него, он — за мной.

Вот уже кок этот в белом своем колпаке совсем близко.

Еще одна секундочка — и... И тут я нахально так ему кричу:
— Замри!

Шимпанзе и замер по привычке. Остановился как вкопанный. А я тем временем за угол юркнул. Заметил маленькую щелочку под дверью и шмыгнул в нее. Опомнился Замри, но уже поздно было. Когда он мимо двери промчался как угорелый, я перевел дух и услышал какие-то непонятные звуки:

— Ту-ту, ту-ту-ту! Ту-ту, ту-ту-ту!

Оказывается, я в радиорубку заскочил. Сидит себе дятел-радист в наушниках и что-то выстукивает на телеграфном аппарате:

— Точка-тире, точка, точка-тире, две точки, два тире, точка...

Вот так: .—..—..—...—..—....—..—...
..—...—...

А они, эти точки и тире, по антенне поднимаются и улетают куда-то. И захотелось мне верхом на каком-нибудь тире прокатиться. Но такое только в сказках возможно!

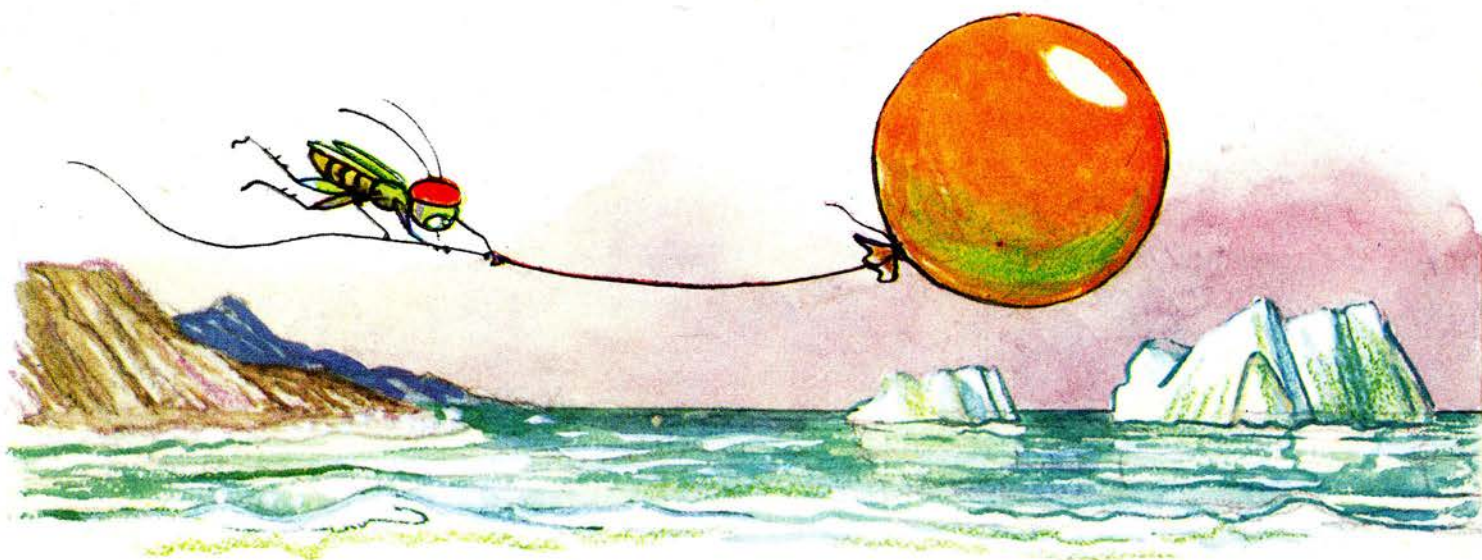
А тем временем, слышу, шимпанзе Замри уже к радисту в дверь стучится. Вот-вот ворвется.

От страха я до самого потолка подпрыгнул. Что-что, а прыгать я умею!

На мое счастье, под потолком у дятла на ниточке воздушный шарик висел. Для красоты, наверно. Веселый такой желтый шарик.

Заскочил Замри в кабину радиста так стремительно, что от сквозняка шарик сорвался с гвоздя и вылетел в открытое круглое окошко.

И не один вылетел, а вместе со мной, поскольку я за ниточку крепко-крепко уцепился.

Закрыв я глаза, чтобы вниз не смотреть: внизу-то, подо мной — океан. Ой, хоть бы какая-нибудь твердая земля показалась! И куда бы, вы думали, примчал меня мой желтый шарик? Ни за что не догадаетесь!

Прилетел я на этом воздушном транспорте в... Снегарктиду. На самый Вьюжный полюс.

В Снегарктиде, сказать по правде, ужасно холодно. Кругом — снег, снег, снег. И вдобавок — лед, лед, лед. Хорошо, что я упал в мягкий сугроб, а не то бы разбился.

Сижу на снегу. Весь дрожу от мороза. И чуть не плачу. И свой дом вспоминаю. Мама, наверно, вкусный пирог испекла. А папа, наверно, газету «Луговые новости» читает...

Мечтаю вот так, а глаза почему-то сами собой слипаются, слипаются, слипаются...

Остальное произошло будто во сне. Надо мной наклонился кто-то в белой сорочке и черном фраке. В таких фраках обычно артисты и дирижеры в нашей концертрии выступают... Ну, вот. Наклонился, значит, незнакомец надо мной и обращается к кому-то:

— Эй, Понг! Иди-ка сюда! Я тут обнаружил кое-что. («Кое-что» — это, между прочим, я, Кузя!)

Подошел второй, тоже во фраке, посмотрел на меня и говорит:

— Никогда не встречал, братец Пинг, у нас в Снегарктиде ничего подобного. Может, это — зверь, может, птица, а может, вообще — на-

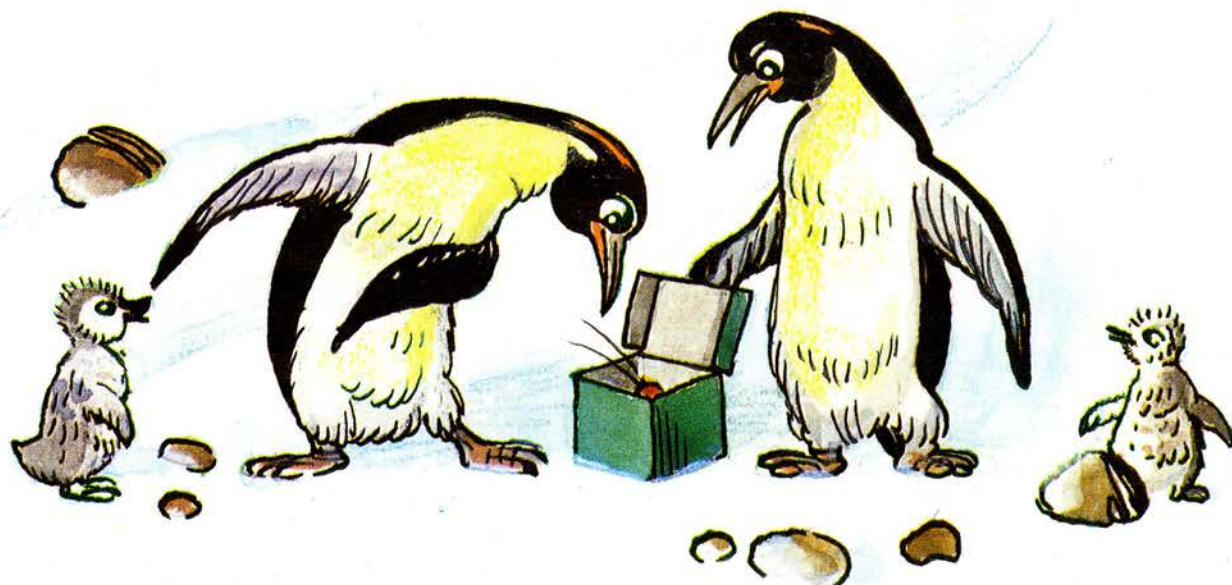
секомое. Постольку поскольку он... она... оно... все равно... замерз... замерзла... замерзло... давай отправим ее... его... к нашим давним друзьям в Академию Всевсяческих Наук!

— Вот удивятся академики! — закричал Первый Тот-Что-Во-Фраке. — Запечатаем его... ее... ну, в общем, вот это... в коробочку — и отправим по почте!

— Правильно, — сказал Второй Тот-Что-Во-Фраке. — Только не забудь написать в конце письма: «Горячий привет от пингвинов холодной Снегарктиды...»

Больше я ничего не слышал.

Больше ничего не помню.

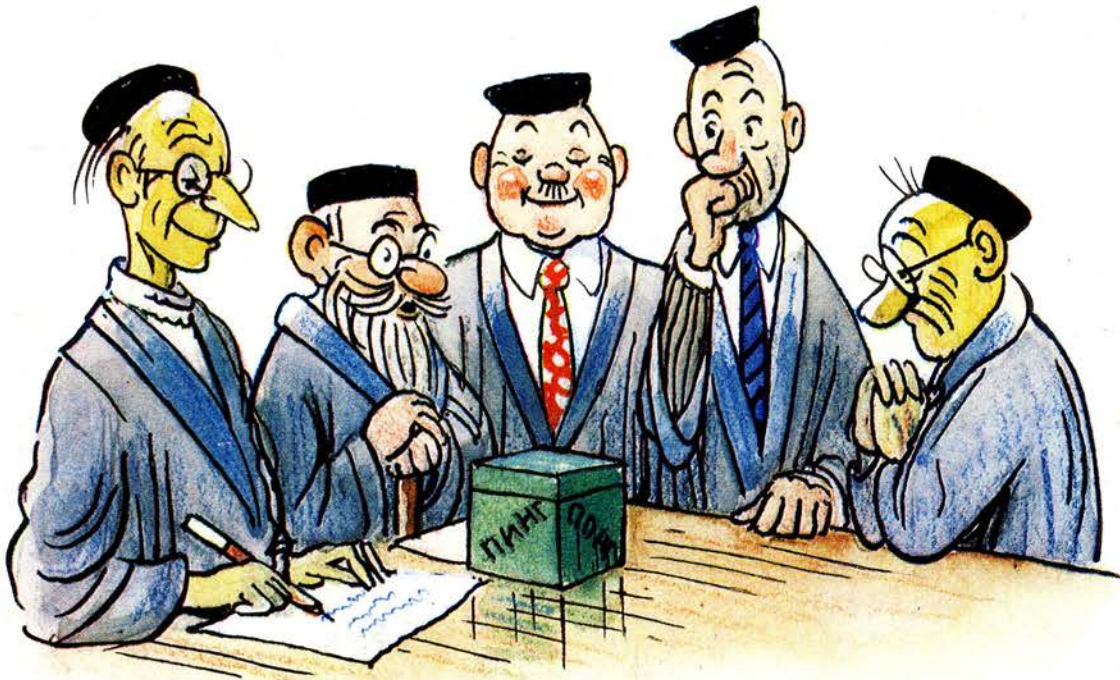
ПРИКЛЮЧЕНИЕ № 5

Проснулся я от какого-то шума. Открыл глаза. Темно. Ничего не видно. Где я? Ага, вспомнил: в коробочке, как видно. В той самой, в которой меня по почте отправили.

Вдруг раздались чьи-то голоса:

— Посмотрим, что это нам за посылочку прислали. Поглядим. Жаль, что обратный адрес неразборчиво написан. И подпись адресата непонятная. Не то «Пинг. Понг», не то «Пинг. Пинг»...

— Это, видно, сокращенно написано, дорогой коллега. А полностью звучит, вероятно, так: «Пингвин Понг» и «Пингвин Пинг». Ну, конечно, это посылка от наших старых друзей из Снегарктиды.

Распечатали академики коробочку, открыли, а я — прыг в окошко. Только меня и видели. Остаться-то в коробочке мне ни к чему было. Ведь в этой Академии Всевсяческих Наук, наверно, кузнечиков, вроде меня, знают как облупленных. Пожалуй, только в Снегарктиде нас, кузнечиков, не встретишь...

На улице я чуть-чуть под какие-то колеса не попал. Еле успел увернуться. А потом от удивления рот открыл, когда увидел вдруг зна-

комый скверик. И снова за мной тот же шустрый, в штанишках выше колен, увязался. Гоняется и приговаривает:

— Сейчас я его поймаю! Сейчас я его накрою! Сейчас я его сцапаю!

И чего ему от меня надо? Я ведь его даже лапкой не тронул!

Гонялся он за мной, гонялся — и на какой-то мост загнал. Загнал — и чуть было сачком не накрыл. Хорошо, что я вниз не побоялся прыгнуть.

А под мостом как раз поезд проезжал. И я на крышу самого последнего вагона угодил.

Везет меня поезд, а куда — не знаю.

Одна станция.

Третья.

Седьмая.

Вдруг вижу на платформе надпись: «Станция Одуванчики».

Я даже глазам не поверил.

Неужели это правда? Неужели дома? Вот здорово!

И точно. Я увидел наш Васильковый луг. Я увидел знакомых бабочек и стрекоз. Я увидел неуклюжую корову Муренку, из-за которой мне пришлось испытать столько разных приключений на земле, в небесах и на море.

Я спрыгнул с крыши вагона, сказал поезду «спасибо» и поскакал к себе домой.

От радости у меня в голове все слова перепутались, и я закричал:

— Здравствуй, папа! Здравствуй, пама! Здравствуй, бадушка! Здравствуй, дебушка!

Папа, мама, бабушка и дедушка тоже очень обрадовались, когда увидели меня живым и невредимым. А больше всех обрадовался мой меньший брат, которого я давно ничему не учил. Мама накормила меня моим любимым клеверным супом и ромашковой кашей. А после вкусного обеда я стал рассказывать о своих необычайных странствиях.

Бабушка вздыхала и охала. Дедушка от волнения шевелил усами.

Мама качала головой.

Брат смотрел на меня с восторгом.

А папа... А папа сказал, что я это все придумал. Но я ничего не придумывал. Все, что тут написано, чистая правда. Не будь я кузнечиком Кузей!

ЧЕТВЕРГ 1

(ПОСЛЕ ДОЖДИЧКА) **сентября**

Для того чтобы ни у кого не было никаких сомнений в правдивости моего рассказа, я вклеиваю на страничку дневника письмо, которое получил недавно от своей приятельницы птички Колибри. Вот оно:

„Васильковский луг, возле
станции Одуванчика.
Кузнечик Кузе.
Здравствуй, Кузя!
Как ты доехал?
А у нас - все хорошо.
Слоненок Лус болел хрипом.
Но уже не хрипит и
совсем здоровый.
Птиренок Полосатик
шлет тебе пррривет.
И попугай Эйты - тоже.
Я очень по тебе скучаю. И
посылаю свое голубое
перышко на память.
Жду ответа, как
вам соловей-леса.
Колибри“.

Ответ в Жарафрику я отправил. Если у меня будут еще какие-нибудь приключения, я напишу о них в другом дневнике. А эта тетрадка вся уже исписалась, и в ней больше ничего не помеща...

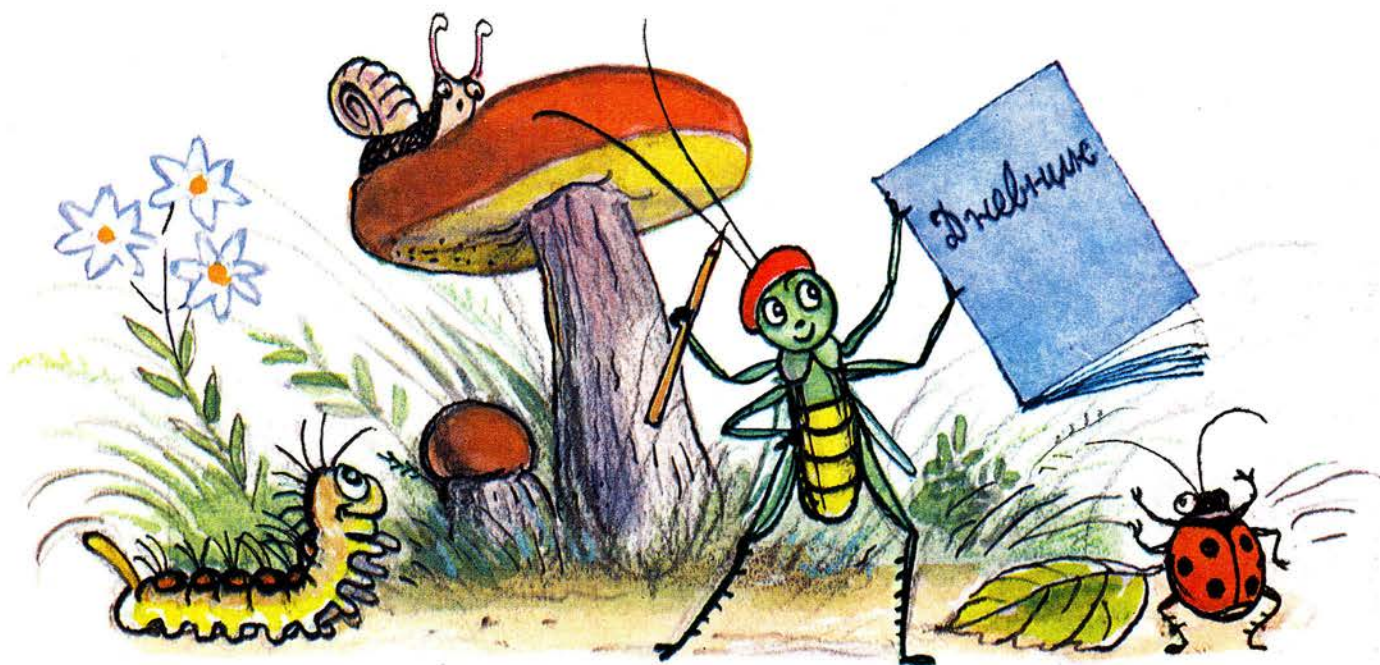

Пляцковский М. С.
П40 Дневник кузнечика Кузи. Рисунки В. Сутеева.
М., „Сов. Россия“, 1979.
24 с.

П 70802—229 208—79 4803010102
М-105(03)79

Р2

Для детей младшего школьного возраста

Михаил Спартакович Пляцковский
ДНЕВНИК КУЗНЕЧИКА КУЗИ

Редактор К. ПОКРОВСКАЯ
Художественный редактор М. ТАИРОВА
Технический редактор Л. САМСОНОВА
Корректор Н. БУЧАРОВА

ИБ № 1704

Сдано в набор 07. 07. 78. Подписано в печать 16. 01. 79. Формат 84X108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. п. л. 2,52. Уч.-изд. л. 2,17. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2242. Цена 20 к. Изд. инд. ЛД-66. Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15. Фабрика офсетной печати № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Дмитров Московской области, Московская, 3.

20 к.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •